

СОЛДАТ

Пролог

Северный Кавказ. Станица Зольская. 05.05.2060

Патронов оставалось два рожка, гранат нет, поддержки нет, тяжелое вооружение еще в прошлых боях потеряли и, походу, приходит нашему славному гвардейскому батальону, полный пендык. Сейчас «индейцы» перекурят, анаша их торкнет, они насваем сверху закинутся, подтянут минометы, накроют нас огнем, а потом пройдут поверх наших окопов и добьют выживших.

Говорил мне поселковый староста, сиди в родном лесу и не вылезай в большой мир, так нет же, на романтику и приключения меня, долбоноса лесного, потянуло, сбежал из родного села и в армию ушел. Тогда мне казалось, что все замечательно, в один из лучших отрядов во всем нашем государстве попал. Да, уж теперь-то я понимаю, что «попал» реально.

Из блиндажа до меня донесся рев нашего комбата, полковника Еременко, который в очередной раз по рации общался со штабом нашего экспедиционного корпуса.

— Суки! Попомните мое слово, если я выживу, лично вас, тварей, кончу! Ушлепки! — на некоторое время его голос стих, но ненадолго: — Чего ты меня лечишь, ге-не-рал сраный? Какая на хрен позиция, какие фланги? Я тебе нормальным русским языком говорю, что ни справа, ни слева, на несколько километров вокруг никого нет, и мы здесь одни остались. Ты нас подставил, скотина! Да, пошел ты, мудака!

Еременко, как никогда похожий на медведя, огромный, здоровый мужик под два метра ростом, всклокоченный, в незастегнутой разгрузке, с АКМом в правой руке, вылетел из блиндажа и присел на пустой ящик рядом с входом.

— Козлы! — выдохнул он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ненавижу! — после этих слов комбат достал из нарукавного кармашка камка смятую пачку сигарет без фильтра, вынул одну скомканную белую бумажную палочку и обратился ко мне:

— Саня, дай прикурить.

Приподнявшись, я перекинул ему коробок спичек и спросил:

— Что, Иваныч, плохо наше дело? — я был фамильярен с полковником, но сейчас это не играло никакой роли.

Полковник прикурил, затынулся во всю мощь своих сильных легких, с наслаждением выдохнул и ответил:

— Да, Санек, дела наши не слишком хороши, но мы ведь гвардия и, значит, будем стоять насмерть, чтоб им всем пусто было. Ты как, готов к подвигу?

— Ага, — только и ответил я, поскольку ничего иного мне на ум не пришло.

— Вот и правильно, — вновь затягиваясь сигареткой, философски заметил Еременко. — Пройдись по окопам, сержант, посмотри, сколько наших бойцов в живых осталось.

— Это я и так знаю, после крайней атаки считал, сорок два солдата и два сержанта.

— А кто второй сержант?

— Исмаил-ага.

Еременко швырнул бычок сигареты в стенку траншеи, и он, ударившись об земляной откос, сыпанул искрами и упал ему под ноги. Комбат тоскливо вздохнул и сказал:

— Получается, Сашко, что ты теперь мой зам.

— Это так важно, командир?

— Командная цепь всегда важна, — он приподнялся, выглянул из нашего укрытия и добавил: — Все, сержант, «индейцы» минометы на высоту вытягивают, и у нас есть еще десять минут.

— Десять минут, — я в задумчивости посмотрел на небо, — это неплохо.

Комбат прикурил еще одну сигаретку, сплюнул с губы прилипший табак и вслед за мной задумчиво посмотрел на синее небо, которому было безразлично, сохнем мы сегодня здесь или останемся жить. Затянувшись сигаретным дымком, он спросил:

— Что думаешь, сержант, есть там наверху кто-то, кто примет наши души в некий рай?

— Без понятия, Иваныч, никогда всерьез не размышлял над этой темой.

— Ну, да, конечно, ты молодой еще, — он усмехнулся и спросил: — А помнишь, как ты к нам попал?

— Это да, помню, — улыбка растянула мои пересохшие губы, — такое долго запоминается.

— Хорошее время было.

Отвечать Еременко я не стал, так как нам стало не до разговоров. В воздухе противно завывали мины, мы спрятались в блиндаж, а смертоносный груз, посылаемый «индейцами», падал на наши позиции и перепыхивал землю. В блиндаже нас сидело трое: комбат, связист Костик Свиридов и я. Мы надеялись, что сможем переждать время огневого налета в укрытии, а после этого принять бой с «индейцами» и еще какое-то время подергаться, но надежды наши не оправдались. В хлипкие перекрытия блиндажа сверху ударила начиненная взрывчаткой мина, и последнее, что я почувствовал в тот день, была непомерная тяжесть земли, обрушившейся на мою спину.

Глава 1

Кубанская Конфедерация. Поселок Лесной. 16.11.2056

Бежал я долго, и легкие уже отказывались прогонять через себя воздух, лицо было исцарапано ветками, а полушубок измазан в болотной грязи и изорван сразу в нескольких местах. Хотелось упасть на покрытую первым снежком землю, ухватить прохладу в ладони и размазать эту смесь по голове, хотя

бы таким способом остудить горящее от прилившей к щекам крови красное лицо. Нет, останавливаться было нельзя, и, преодолевая себя, пересиливая слабость тела, я заставлял себя раз за разом переставлять ноги и бежать.

Позавчера мне исполнилось семнадцать лет, и, по меркам родного государства, я стал совершеннолетним. Празднование этого события у меня, сироты, пять лет назад оставшегося без родителей и проживающего на попечении общины, в батраках у старосты, прошло вполне обычно: распитие самогона на конюшне с товарищами, такими же, как и я, временно подневольными работягами, и здоровый сон. В общем, день как день, и прошел он вполне предсказуемо. Мой последний день в родном поселке Лесном, который расположился в лесах неподалеку от хребта Пшаф с одной стороны и городом Горячий Ключ с другой.

Ситуация вышла из-под контроля в районе полуночи, когда ко мне в комнату проникла Верка, младшая дочка старосты, крепкая двадцатилетняя деваха, весьма разгульного образа жизни, которую батя никак не мог пристроить замуж. Не сказать, чтоб она была страшенькая или имела какой-то физический недостаток, врать не буду. На вид, Верка вполне нормальная и довольно симпатичная девушка, вот только мужиков любила сверх всякой меры, и, наверное, не было в нашем поселке такого представителя сильного пола, с которым бы не провела развеселая старостина дочка ночь. Хм, видать, пришла и моя очередь.

Не зажигая восковой свечи, стоящей в изголовье моего топчанчика, Верка скинула с себя платье и залезла ко мне под одеяло. Тело ее было жарким, хотелось обхватить его руками и мять, прикосаться ладонями ко всем манящим выпуклостям, но было как-то боязно. Впрочем, девушка полностью взяла инициативу в свои руки, и у нас все сладилось очень даже удачно, три раза подряд.

Уснули мы в обнимку, а когда рано утром я проснулся, то обнаружил, что надо мной нависают четыре бородатых лица. Одно лицо принадлежало старосте Никите, крепкому дяде с мощными кулаками, местному корольку, а три других — его амбалистым сыновьям: Семену, Игнату и Петру.

— Вставай, зятек, — староста ласково, как родному, улыбнулся мне и в усмешке обнажил свои желтые прокуренные зубы.

Мне стало не по себе от таких слов, и я оглянулся на Верку, которая показала из-под одеяла свою сонную растрепанную мордашку и недоуменно разглядывала отца с братьями.

— Чего это сразу зять? — попробовал я отмазаться. — Дядя Никита, что за дела? Ты ведь знаешь, я теперь свободен и сам определяю, что мне делать и куда идти? Какой зятек? Ничего не знаю.

— Ах ты, курвец, — улыбка не покинула старосту и стала еще шире, — мою девочку, цветок нераспустившийся, совратил, а теперь в кусты? Нехорошо так поступать, Сашко, неправильно. Придется тебе жениться на моей дочке. Ты не переживай, свадьбу в три дня сыграем, дом вам выделю, хозяйство какое-никакое, коровку, свинок, и станешь ты справным крестьянином, честным жителем Лесного.

— А если я не соглашусь?

— Тогда назовем тебя насильником и кастрируем, все по закону.

— Папаня, — вклинилась в разговор Верка, — а чего это вы здесь? — Как сытая кошка она потянулась всем своим дебелим телом, и ее горячее бедро коснулось моего.

— Да вот, доча, замуж за Сашку Грамотея тебя выдать хочу. Ты не против? Верка повернулась ко мне, окинула оценивающим взглядом и своими словами подписала мой разговор:

— Нет, не против, справный мужик и мужем хорошим будет. Молод еще, конечно, но это еще и лучше.

— Ну, — староста встал с табуретки, на которой сидел, — раз все согласны, счастья и любви вам, дети. Благословляю вас. Совет и любовь, как говорится.

Никита и его сыновья покинули мою комнатку, а я задумался. Да, хитер староста, одним махом два дела делает: дочку беспутную пристраивает и меня, единственного грамотного человека из молодежи, кто в поселке живет, на землю сажает. Зря я с ним на прошлой неделе разговор завел, что в город уйти хочу, ой, зря. Оно-то, конечно, жениться я не против, и хозяйство завести, и дом, и детишки чтоб были, психология деревенская во мне крепкие корни пустила, но в семнадцать лет о свадьбе думать рановато, и не с Веркой мне мое будущее виделось.

Тем временем дочка старосты потянулась ко мне, поцеловала в губы и, склонив голову на мою грудь, сказала:

— Ты не подумай, Сашка, я тебе верная буду. Ты только будь со мной всегда и ублажай почаще.

— Верунчик, — приподнявшись, взглянул на девушку и спросил: — о чем ты говоришь? Ты мне не нужна, вот и весь сказ.

— Куда ты денешься, дурашка, — ее руки шаловливо заскользили по моему обнаженному телу. — Сбежать ведь все одно не выйдет, а папаня он такой, сказал, что кастрирует, значит так и сделает. Ведь нам хорошо было ночью, правда?

— Хорошо-то, хорошо, ты баба горячая, спору нет, но мне здесь не место, да и подлю это, подставлять меня так.

— Жизнь такова, Сашенька, а ты ничего изменить не сможешь, так что покорись и прими все как есть.

— Ну, ладно, — решил я схитрить, — раз уж дело так повернулось, пойду нам дом присматривать.

— Подожди, не спеши, — Вера обхватила меня руками и навалилась сверху, — давай еще разок.

В общем, пришлось ублажить ненасытную деваху еще разок и только после этого выходить на двор. Здесь меня уже ждали мои вчерашние собутыльники, которые, вот же сволочи, прекрасно знали, что со мной должно было произойти, и от души были этому рады. Понимаю их, перекинули стрелы на меня и от Верки, с которой неоднократно на сеновале валялись, на некоторое время избавились.

— Поздравляю! — первым ко мне подлетел Ефим, небольшого росточка мужичок, должник Никиты. — Теперь ты, Сашка, большой человек в поселке будешь, зять самого старосты.

— Пошел ты, — толкнул я его в грудь. — Чего не предупредил?

— Успокойся, — хлопнув меня по плечу, рядом нарисовался Шкаф, торгожник, присланный в поселок на исправление как рабочая сила, под ответственность общины. — Староста не велел тебя предупреждать, а против его слова в поселке никто не пойдет, так что без обид, Грамотей.

— Ладно, — согласился я и направился со двора.

— Саня, — окликнул меня Шкаф, — не дури. Никита всех мужиков предупредил, что ты сбежать можешь, а кто тебя упустит, тот неприятностей огребет.

— Да-да, — вторил ему Сивый, еще один работник старосты, занимающийся ремонтом ворот, — а кому-то из нас придется на Верке жениться. Ты пойми, Санек, нам этого не надо, долги отработаем и по своим дворам разойдемся. Нам проблемы с Никитой не нужны.

Молча, я направился осматривать новенькие деревянные дома, построенные этим летом и стоящие неподалеку от подворья старосты. Про то, как я стал женихом, уже весь поселок знал. Кто-то улыбался, кто-то посмеивался, а пара молодых девчат, с которыми я еще по осени после танцев целовался, печально улыгнулись и, не перекинувшись даже словом, прошли мимо. Вот так вот, еще вчера Сашка Мечников по прозвищу Грамотей, крепкий статный блондин с серыми глазами, которого природа силой не обделила, был для них желанной партией, а сегодня — все, запретный плод и чужой жених. Эх, пропади все пропадом, надо бежать, больше ничего на ум не приходит. Староста думает, что подловил меня, что нет у меня бумаги, личность удостоверяющей, но это не так, в подкладе моего полушубка было зашито свидетельство о рождении, заверенное не абы где, а в городской управе. Так что дело остается за малым, добраться до города.

Прожаживаясь по домам, я делал вид, что осматриваю их, готовлюсь к будущему заселению, а сам смотрел в сторону леса, который начинался сразу же за поселком. К полудню вернулся на подворье старосты, плотно пообедал и обсудил с будущим тестем приданое, которое он давал за Веркой. Надо сказать, по меркам Лесного, приданое было хорошим: стельная корова, три поросенка, кролики, корма, мебель, одежда и белье. Некоторые местные парни были бы этому только рады, но я уже определился в своем жизненном пути и после разговора с Никитой вновь направился в поселок. Еще раз прошелся по дворам новостроек, улучил момент, когда меня никто не видел, и юркнул к поселковому тыну. Своротив хлипкое подгнившее бревнышко, пролез через дыру, немного пробежался по зарослям можжевельника и оказался в лесу.

Чередую бег и шаг, налегке, направился на юго-восток, в сторону Горячего Ключа, ближайшего городка и нашего районного центра, в котором я мог найти свое спасение. Переходя с горки на горку и не выходя на дорогу, охотничьими тропами, не останавливаясь ни на минуту, я шагал к заветной цивилизации. К вечеру переправился через речку Малый Дыш и остановился на ночевку. Несколько часов вздремнул у костерка и, проснувшись, до самого утра мечтал о своем будущем и месте, какое я займу в городском обществе. Понимал, что планы мои далеки от реальности, но они отвлекали меня от мыслей о сыновьях старосты, которые наверняка уже вышли из поселка с собаками-ищейками на поводках и идут за мной след.

Что я знал о том мире, в котором был всего пару раз и который был моей мечтой всю значительную жизнь? Несмотря на множество прочитанных книг и газет, хранившихся у старосты после смерти моих родителей, не так уж и много. В 2013 году некий американский ученый, смесь гота и анархиста, раздобыл споры черной оспы и создал чрезвычайно агрессивный боевой вирус, который распылил над Нью-Йорком с вертолета. С этого города и началось его победное шествие по Земле. За три года население планеты сократилось в пятьдесят раз. Вирус выкосил всех, кто не смог от него уберечься, и исчез, как его и не бывало, и только миллионы гниющих на улицах городов трупов

были памятью о его работе. Может быть, вирус пропал окончательно, знающие люди говорили, что такое возможно, если он был запрограммирован на какой-то определенный срок жизни, а может быть, что он затаился до поры до времени в недрах земли и развалинах городов. Никто этого не знал, а по большому счету и знать не хотел. Выжили только люди с хорошим иммунитетом или те, кто отселелся в подземных бункерах. Это время было названо тремя черными годами.

После Черного Трехлетия наступила Эпоха Хаоса. Выжившие после эпидемии люди, потеряв правительства, наплевав на закон и общепринятые нормы морали, начали бороться за свое выживание по принципу: убей ближнего своего, пока тебя не убил дальний. Двадцать лет с краткими перерывами продолжалась кровавая вакханалия, в которой было сделано многое из того, что не должно было случиться в обычной жизни. Стартовали ядерные боеголовки, посланные умирающими в подземных бункерах от болезней и голода офицерами, желающими хоть так напомнить миру о своем существовании, взрывались химзаводы, протекали ядерные реакторы, которые некому было обслуживать, а гидродинамический напор рек и озер сносил плотины. Многие досель плотно заселенные области обезлюдели, скрылись под водой, были заражены радиоактивными осадками, антисанитария и война за ресурсы выкашивали род людской без всякой жалости, но и эта эпоха закончилась.

Человек существо стадное и не может долгое время быть без общества себе подобных. Люди стягивались в группы, племена, выбирали вождей, правителей, царей и диктаторов. Жизнь налаживалась, казалось, что возможно новое возрождение человечества, возвращение в Золотой Век, но снова, как и встарь, вставали проблемы политики и ресурсов. Каждое государственное и племенное образование, в том числе и Кубанская Конфедерация, в которой я родился и проживал, стремились расширить свои границы, стать сильнее соседей и отвоевать себе место под солнцем.

Конфедерация образовалась из содружества нескольких так называемых республик, с центрами в Тихорецке, Кропоткине, Майкопе, Горячем Ключе, Новороссийске, Темрюке и Тимашевске. Столицей этого аморфного образования стал полностью разрушенный в Эпоху Хаоса краевой центр, город Краснодар, из которого объединенными усилиями республиканских ополченцев и наемников были выбиты остатки ослабленных голодом и болезнями банд. Прошло девятнадцать лет, Кубанская Конфедерация подмяла под себя три четверти бывшего Краснодарского края и на данный момент стала островком спокойствия, к которому тянулись беженцы из других мест. Для кого-то это был рай на земле, место, где можно было почувствовать себя в безопасности, а для кого-то и жирный кусок, от которого хотелось отломить что-то для себя.

Кем бы хотел быть я? Чем могу быть полезным миру? По большому счету, сейчас я никто и звать меня никак, обычный сельский парень, грамотный, физически крепкий, молодой и без вредных привычек. Первая моя мысль была пристроиться где-то в городской управе, хотя бы мелким писарем или делопроизводителем, но, хорошенько подумав, я пришел к выводу, что, несмотря на всю мою начитанность, мне в этом направлении ничего не светит. Таких, как я, слишком много, а у меня ни связей, ни денег. Оставался только один путь, военный, так как ни к чему другому душа у меня не лежала. Как говорил покойный папа, мы, Мечниковы, только три дела можем делать

хорошо: воевать за родину, людей грабить да в бумагах старых копаться. Что же, наверное, родитель мой покойный был прав. Теперь оставалось только благополучно добраться до города, найти военных, про которых среди поселковой молодежи ходили легенды, и подписать контракт на службу в армии Кубанской Конфедерации.

Утром, чуть только развиднелось, я снова двинулся в путь, и вот, когда я уже прошел Золотую Гору и подходил к Заречью, незаселенным городским окраинам, позади себя я услышал заполосный лай собак. Погоня была недалеко, и, перейдя недавно восстановленный мост через Псекупс, я рванулся в центр. Бежал я так, как никогда до сего момента не бегал. На кону были мои яйца, и думаю, что каждый мужчина меня поймет, они мне были чрезвычайно дороги. Староста, черт с ним, не хотел допустить потери своего авторитета, позиция его понятна, а вот у меня на кон была поставлена вся дальнейшая жизнь. Чья ставка больше? Думаю, что моя.

Добравшись до заселенных районов города и отдышавшись, я сразу же подошел к ближайшему патрулю Народной стражи. Стражники разглядывали меня с подозрением, но не трогали, так как на спине моего полубубка красовалась надпись «Поселок Лесной», а значит, для них я был почти своим.

— Господин стражник, не подскажете, где я могу в армию записаться? — обратился я к старшему, серьезному усатому мужчине средних лет, с красной повязкой на рукаве серой шинели и коротким автоматом на груди.

Тот усмехнулся, провел ладонью по усам и ответил:

— Два квартала прямо, на перекрестке свернешь налево и топай до конца, упрешься в двухэтажное здание из красного кирпича, это и будет военный комиссариат, — он выпростал из кармана шинели левую руку, посмотрел на часы, и добавил: — Сейчас шестнадцать тридцать, вояки работают до семнадцати часов, так что поторопись.

— Благодарю, — бросил я уже на ходу и, опять, загнав поглубже усталость, перешел на бег.

Успел я вовремя, повезло, не заблукал в городских лабиринтах и военный комиссариат нашел быстро. Заскочив в здание, я сразу же направился к молодому, лет двадцати, офицеру, который сидел в стеклянной будке на проходе во внутренние помещения.

— Здравствуйте, — устало выдохнула моя голова.

— И тебе не хворать, парень, — ответил офицер. — Чего хотел?

— В армию вступить.

— Завтра приходи, все уже по домам разошлись.

— Нет, мне именно сегодня надо, обязательно. Пожалуйста, господин офицер.

— Сказали тебе, завтра, значит, так оно и есть, иди с миром, парень, не нервируй меня, — голос дежурного офицера приобрел угрожающие интонации. — Минута тебе, чтоб свалить. Время пошло!

«Вот и все, — мелькнула у меня в этот момент мысль, — отбегался, ты, Сашка Мечников». Но, видно, удача не оставляла меня в этот день, и из коридора появился широкоплечий здоровый мужик в камуфляже, зеленой армейской кепке и при погонах, на которых была видна одинокая, средних размеров желтая звездочка.

— В чем дело, лейтенант? — обратился он к дежурному.

— Товарищ майор, — вскочил со стула офицер и кивнул на меня, — паренек хочет в армию записаться, но все разошлись. Говорю ему, чтоб завтра приходил, а он не уходит... Может быть, наряд вызвать?

— Достаточно, лейтенант, все с вами ясно. Вы в курсе, кто я и зачем приехал в ваш городок?

— Так точно, майор Еременко, «покупатель».

— Я лично займусь парнем, — майор повернулся ко мне, окинул оценивающим взглядом и спросил: — Значит, желаешь контракт подписать?

— Очень, — мой кивок подтвердил слова.

— Документы в порядке?

Оторвав подкладку полушубка, продемонстрировал грозному майору запаянное в прозрачный пластик свидетельство о рождении.

— Грамотный?

— Да.

— Тогда пойдем со мной, рекрут, — офицер-здоровяк развернулся на месте и направился внутрь здания.

Мне оставалось только последовать за ним вслед. Через минуту мы были в небольшом кабинете, обстановку которого состояла из обшарпанного стола и двух таких же стульев. Расположившись напротив офицера, я приготовился к какому-то собеседованию, но вояка время тянуть не стал, вынул из стола два бумажных бланка, чернильную ручку-непроливайку и положил все это передо мной.

— Где пробелы впиши фамилию, имя, отчество, дату рождения и подписывай, — сказал он.

— А почитать можно?

Майор почесал короткий ежик волос на затылке, посмотрел на забранное железной решеткой окно и ответил:

— У тебя осталось восемьдесят секунд, парень. Мой рабочий день оканчивается ровно в семнадцать ноль-ноль.

— Все понял, не дурак, — я схватил ручку, быстро заполнил оба бланка и расписался.

— Вот и хорошо, — майор забрал бумаги, закинул их обратно в стол, встал, дождался пока встану я и провозгласил: — Поздравляю, боец, отныне ты солдат Кубанской Конфедерации и, в ближайшие пять лет ты будешь делать только то, что тебе прикажут. Усек?

— Да, усек.

— Херня, а не ответ. Твои слова: «Так точно, товарищ майор!»

— Так точно, товарищ майор, — послушно повторил я.

— Не слышу бодрости в голосе, но на первый раз сойдет. Пошли в казарму, воин.

Мы направились на выход, и здесь нас ждали двое из трех братьев Демидовых, Семен и Игнат. Третий, наверное, остался с собаками в Заречье, бойцовые и охотничьи животные, в город не допускались. Оба брата что-то доказывали лейтенанту, а тот только разводил руками и, как только увидел нас, сразу же спихнул возникшую проблему на майора.

— Что такое? — мой будущий командир резко шагнул вперед, навис над братьями, и те как-то сразу стали меньше, чем они есть на самом деле.

— Мы братья Демидовы, а вот он, — Семен указал на меня пальцем, — насильник, сбежал из поселка Лесной. Отдайте его нам, господин хороший.

— Это правда? — майор уставился на меня.
— Нет, меня жениться заставляют, а я к такому серьезному шагу еще не готов.

— Знакомая ситуация, — сам себе пробормотал офицер и обратился к братьям: — Доказательства имеются?

— Какие доказательства? — вскрикнул Семен. — Нам никаких доказательств не требуется, мы сами закон.

— Нет бумаги, нет свидетелей, нет дела, а значит, ваше слово против слова солдата-гвардейца. Что главней? — вопросительный кивок в сторону лейтенанта.

— Слово солдата Конфедерации, разумеется, — без раздумий доложил дежурный.

— В общем, так, братья Демидовы. Если вы сильно упертые, то можете пойти в Народную стражу, подадите на парня заявление, но мой вам совет: возвращайтесь домой, добычу свою вы упустили.

Братья, поняв, что майор прав, развернулись к выходу и покинули военкомат, а меня определили в казарму, которая находилась во внутреннем дворе, в другом двухэтажном здании.

Так началась моя служба в войсках славной Кубанской Конфедерации.

Глава 2

Кубанская Конфедерация. Горячий Ключ. 17.11.2056

Итак, я был спасен и начинал новую жизнь. Первый свой вечер в казарме я не запомнил, ноги гудели, тело ломало, а в глазах памороки стояли, так что единственное, на что меня хватило, скинуть с себя полущубок и забраться под грубое одеяло на деревянном топчане, который ничем не отличался от моего прежнего, оставшегося в доме Никиты Демидова.

Служба началась на следующее утро, когда в комнату вошел раздетый по пояс чернявый крепыш, лет двадцати пяти, по виду натуральный адыг, похожий на тех людей, которые у нашего старосты иногда мясо закупали, и прокричал:

— Подъем!

Вскочив, я оглянулся и не сразу осознал, где же нахожусь. Протер глаза, вспомнил вчерашний день и последовал вслед за другими людьми, которые спали на соседних топчанах. Нас было немного, семь человек всего, мы вышли в небольшой внутренний дворик казармы, и началась моя первая в жизни физзарядка. В какой-то древней полуистлевшей книжке, без обложки и, естественно, без названия, читал про суровые армейские будни, и вот то, что я тогда прочитал, в общих чертах совпадало с действительностью. Значит, не полностью мы скатились в варварство, остается что-то неизменное в жизни общества, та же самая утренняя зарядка, например. Уже хорошо.

Пробежавшись несколько кругов по небольшому плацу, размялись, отжались, посетили турник и уложились минут в двадцать. В общем-то, крепыш с адыгейской внешностью гонял не сильно, а так, чисто для отметки, и меня это устроило. Все же вчерашние нагрузки для организма даром не прошли, да и не ел я ничего целые сутки, какие уж тут зарядки, когда в животе требовательно урчит зверек, а мысли все больше на пропитание скатываются.